

Ей выпал театральный фант, В жизнь воплотил ее мечту, Галина — истинный талант, Помноженный на красоту.

На снимке Виктора Дианова актриса областного театра кукол Заслуженная артистка России Галина Борисовна БАХОЛДИНА.

НОВОЕ ИМЯ

Маруся Белошова

Михаилу Вишнякову

И СТИХИ, КАК РОКОТОК

Блок — звенящая стрела. Блок — мохнатая пчела. А Есенин — сын и сани. Он с бородкой и усами. А. Ахматова — вдова, очень грустные слова. Кем я стану — я не знаю. Может, фоточка сквозная? Может, кофта продувная? В кофте острый локоток, и стихи, как рокоток! Меня не любят поэтессы за резкий слог и колдовство. Стараясь быть не интересной, я умной стала им назло. Я поэтессам конкурентка, бояться за свою судьбу. ...А я всего-то лишь студентка с наивной челочкой на лбу.

ПОЭТ МАКАРОВ

Есть в Акше поэт Макаров. У него есть белый конь. Взгляд поэта смугло-карий и крестьянская ладонь. Утром он коня приводит на хрустальный водопад. Конь косится и повдвоя танет верхнюю губой. Хорошо и в жизни вместе посреди большого дня! На коне поэт не ездит. Жалко белого коня.

Вы такой большой и смелый. Я же семечко-орех. Я приду к Вам в кофте белой? Не поднимите на смех?

Вы, как август, зрелость лета, я — зеленые луга... Сядем рядом, как поэты настоящие... ага?!

***

На кафедре случилась беда. Декан влюбился! И в кого? В студентку раннюю, как утро, Как первый снег, как волшебство.

Девчонки вяжут пряжу-сплетни, ребята ерничают: хмы! А их любовь такая летняя, такой румянец среди зимы!

Я их приветствую стихами. Их нежность и любовь спасет. И пусть Чита хоть петухами кричит — яичко не снесет!

Рисунок Антуана де Сент-Экзюпери.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО... ЧИТА Литературная

№ 1 (45) Январь 2001 г. Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

Василий Николов

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

Н аши дачи, моя и Юрина, стояли друг от друга через дорогу. Я построил свою засылуху из горбыля, с односкатной крышей, он возвел свою из толстых лиственниц. Собственно, не сам строил, купил дом в каком-то умирающем селе, перевез сюда. Он был красавцем по сравнению с моей засылухой. Но по дурацким законам того времени — по хрущевским, нельзя строить такие дома на дачах. Кто-то из умных посоветовал: обей дом фанерой, эта бутадорфия спасет тебя. Юра так и сделал, законники отлигли — у них не было указаний о фанерных домах. Огород у Юры был больше моего, ухоженный, улавоженный, без травки-соринки. Все делала его молодая жена, любительница чистоты и порядка. Сам Юра, спонтанный строитель, превзошел сам себя: построил две теплицы на каменных фундаментах — под огурцы и помидоры, прибавил еще одну — под перцы. Полвиная система на его участке походила на вены в человеческом организме. Каждая грядочка орошалась по потребности, малина, смородина в любое время испытывали приятную сырость. Беглым взглядом можно было определить, какие мы хвоята. Я не завидовал ему, потому что у нас были разные жизни, разное отношение к действительности. Я уважал его за хозяйственность, он меня — за писательские дела. Юра нравился мне, я выделял его из своих соседей по даче. Среднего роста, с округленным лицом, с доверчивым взглядом бледно-голубых глаз, он был человеком с неустойчивым характером, добрым по натуре, отзывчивым к людским бедам. Мне думается, он даже искал таких людей. Неизбалованный жизнью, он умел переносить тяготы, побороть плохое настроение. Подбодрить друга без всякой корысти. И без ложного угодничества. Я благодарил бога за то, что он подарил мне такого дачного соседа. Мы ходили в гости друг к другу, у нас были свои интересы. Я, в свое время, закончил Иркутское авиационное техническое училище, он — Качинское летное. Разговоров было столько, что хватало бы больше, чем на тысячу и одну ночь. Он, будучи инструктором, потерпел аварию, я умудрился полетать на хвосте-истребителя. Мы пропалывали грядки, старались сделать как можно больше до жары. И тут я услышал призывный Юрин голос. — Командир! Зайди на минутку! Что-то с моим движком стряслось. Это был сигнал к нашему потаенному действию. Я взял отверт-плоскогубцы, деловито миновал жену. В иное время она глянула бы

на меня, спросила бы о чем-нибудь. А тут все ясно, ясней божьего дня: сосед в беде, надо выручать. Движок был исправен, я это знал заранее. На столе стояла бутылка, два стакана, на тарелке лежали вилочные чебаки, кусок сала, лучок с грядки, редиска. Урожай наливался и обещал быть обильным. — Давай, командир, по-быстрому, пока моих нет. — Юра разлил по стаканам. — У тебя жена, как жена, у меня... ладно, сам знаешь. Одна теща десять собак заменит. Ну, за хорошее утро, за доброе настроение. Хоп, хоп! Черту в лоб! В бутылке был спирт, привезенный с аэродрома. Юра был ответственным работником в порту, от него зависели все пилоты. Диспетчер полетов — главная фигура в нем. Так что проблем со спиртом не было. Мы выпили, закусили. В пору было расслабиться, поговорить. Один катапультировался с низкой высоты, другой — замерзал на Маньчжуре. Да мало ли о чем! Ну и само собой: радужней заиграли краски, приманившей показалась кипучая река. Удачку бы сейчас, да бережок у омута — с уловом по-дешнему. Костер, палатка, уха из разнорыбцы. Много радости приходит после первого стакана. А если продолжать, то и море станет по колону. Но мы были — как нога в сапоге: у

(Продолжение на стр. 2-3.)

ПИСАТЕЛЮ ВАСИЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ НИКОЛОВУ

80 ЛЕТ

ВАСИЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВОЛКОВУ 70 ЛЕТ

Мелодиями песен Василия Николаевича открывают свои программы Читинское телевидение и информационный утренний блок областного радио.

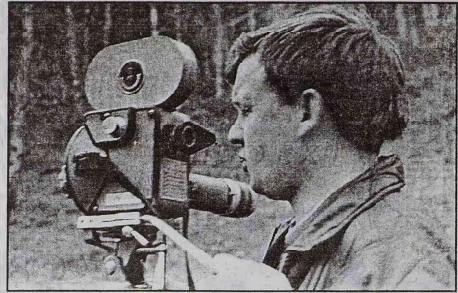
Без сомнения и лести Василия Волкова знает всякий. Нет района, да что там района, селения, где бы не бывал наш славный юбиляр.

Он коммуникабелен и остроумен, любвеобилен и прагматичен, душевно щедр и по-детски любознателен, артистичен и просто душевно доверчив, незлобив и обеспеченно бесечен...

Но главное достоинство Василия — талант. В нем счастливо совпали талант музыканта, божий дар композитора, виртуозное владение инструментом.

Талант, известно, как деньги — они или есть или их нет. Василий Николаевич успешно сочетает в гармонии обе ипостаси.

Счастливым человеком, счастливо состоявшейся судьбой. Здоровья тебе, Вася! Ну и всего, что пожелаешь себе.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Тысячи метров отснятой кинопленки, сотни кассет видеосюжетов-тактов количественный итог творческой работы кино и телеспейсера Владимира Лукашкина. Его судьба видеохудожника, искусного и талантливого постановщика кадра началась в то далекое знаменательное время, когда на самой верхней точке Бутинской просеки встал главный корпус самой большой на востоке страны студии телевизионного вещания.

Володя не мыслим без читинского телевидения, как телевидение — без мастера Лукашкина, поскольку оператор — ключевая фигура в сложном коллективном искусстве тв.ви.

А его неуемная энергия, фонтан жизненного оптимизма и текста, широчайший круг знакомств, знание всего и вся делают нашего юбилейного героя просто подарком судьбы для читинской студии телевидения.

С уважением без лести и фимиама, но с пиететом — рекколлегия газеты "ЧП".

ВЛАДИМИРУ ДМИТРИЕВИЧУ ЛУКАШКИНУ 60 ЛЕТ

(Начало на стр. 1.)

одною — жена рядом, у другою — вот-вот прибудет, Гуляя, казак, да оглядывайся.

Обратно я шел на той дельовой походкой — более расслабленной. Тяжелей ступали ноги, подбиралась качка. Выпилит изрядно, закусували мало. И надо же! Не во время оторвалась жена от грядки, стрельнула по-больничным глазом.

— Что-то, родимый, глаза у тебя заблестели? С чего бы?

— Что ты, мать, — я нагло пялил глаза на жену, старался дышать в нос. — Юра смешиные истории рассказывал. А несправозность нашла, устроили. Слышишь?

Мы условились: Юра запустит движок после моего ухода. Мотор звонко затараторил, извещая о нашей деловитости.

— Извини, ошиблась, — жена улыбка на примиряюще. — Хорошо, что помогаете друг другу.

Знала бы она, какая это помощь? Мне вспомнился устный рассказ Всеволода Иванова про брата Николая Второго — Николая Николаевича, будто он избрал ботфорты. Для того, чтобы прятать в них бутылку, чтобы выпивать при стеснительном положении. И говорил при этом: "Голь на выдумки хитра". Возможно, анекдот, возможно, правда. Богатые шутить умеют.

2

После войны Юра летал на "Якы", был инструктором, обучал молодых. Летал уверенно, учил строго. Но и с ним случилась авария. Он с курсантом катапультировался на небольшой высоте. Юра повредил позвончик, курсант отделался ушибами. Самолет списали из-за негодности.

Авария случилась по вине инженера, но Юра принял вину на себя. У инженера было троюродное дитя, Юра еще не женился. Его комсомолы, определили в инвалидную группу. Это значило сидеть дома, не работать. Но он не хотел сидней жизни, сиречь инвалидность, не стал получать пособие по болезни. Ложь давалась нелепо, пришлось подделывать кой-какие документы.

Василий Луконов ДАЧНЫЙ СЕЗОН

— Лучше смерть, командир, — сказал он мне при очередной вышке.

Я понял его и — огорчился.

— Больше, Юра, я с тобой не пью. И тебе не советую, при твоей работе. Можно перепутать маршруты, время: и вот тебе очередная катастрофа.

— Ладно, командир, понял, — бормотал он пьяная. — У тебя своя судьба, у меня — своя. Ладно...

3

Юра женился в год увольнения из армии, взял в жены дочь машиниста тепловоза. Вскоре машинист погиб в крушении, на крутом повороте возле станции Лесная. На нем нередко сходили составы. Осталась жена, пятидесятилетняя женщина с семилетним образованием. В свое время хотела быть актрисой, но дальше художественной самостоятельности не продвинулась. Жизнь стала трудней без мужних денег. Дочь Татьяна училась в педагогическом институте, но, влюбившись, бросила. Мать устраивала скандалы, но дочь настояла на своем. Вскоре родился ребенок — семейная радость. Но и она обратилась внезапной новостью: муж ее был на грани алкоголизма.

Этот клубок из крепких ниток ждал своей размотки. И она наступила. Юра с первых дней не полюбился теще, она считала его тряпкой, о которую можно вытирать ноги. Бывают такие — хуже злой мачехи. Когда Юра пришел в очередной раз пьяным, она встала у порога, сверкнула злыми глазами на зятя.

— Вот из нашего дома! Нам не нужны пьяницы! Проваляйся и забудь этот порог!

Татьяна не думала так, она старалась обречь мужа, но чтобы выгнать сразу...

— Мама, зачем ты так! — Она стояла с дочкой на руках, готовой заплакать.

— Ты тоже мямля! — Мать повернулась к Татьяне. — Сорную траву с поля вон! Я так решила и так будет!

— Но мама!

Последних слов Юра не слышал. Так же как и плач маленьких дочери.

Он пришел к нам на квартиру, хотя, наверное, мог пойти к другим. Рассказал о сороте с тещей, сообщил, что уйдет из дома. Чем так жить, лучше не жить.

— Оставайся у нас, — согласился я, — там видно будет. Останет теща, возьмется за ум. Все не так просто, сам понимаешь. Знаешь что? Я пойду к ней, потолкую.

— Не думаю, что так будет лучше, — сказала жена. — Помнишь, пословицу: "Двое дерутся, третий не лезь". Станется, не масла подольешь в огонь, а керосину.

Возражение жены показалось мне разумным. Как и чья я мог замазать глубокую трещину? Все плохое в семье связано с тещами, это я знал нелонаслышке. Ангелы из них, увы, не получаются.

4

В тот день, когда я пришел к Юре на работу, в коридоре толпились народ. Те люди, что не могли купить билет в кассе, надеялись на помощь администрации. Лето — жаркое, время отпусков, нынешний аэропорт закрывался от людского наплыва. Рядом с кабинетами начальники стояли мужчины и женщины с заплаканными глазами. Он — высокий блондин, пышнолобый, с жесткими чертами лица. Она — пожилая, с крашеными волосами, в платье с большими синими цветами. Печальные глаза женщины тронули Юру.

— Почему вы плачете?

Объяснил мужчину, он оказался ее мужем. У жены умерла мать. Если они не успеют очередным рейсом, опоздают к похоро-

гу отремонтировать дом, пристроить веранду, отремонтировать печь.

— Да, печь, — вспомнил Юра. — Она у меня "буржуйка" из старых вагонов. Дом большой, а печь вот такая. Все никак не соберусь сделать настоящую.

— Вот видите! — всколыхнулся майор, глаза его ожили, озобоились. — Где ваша дача? Так: Когда будете на ней? Так: Ждите машину, печника, и что надо для печи. Все сделаем в лучшем виде!

— Спасибо, командир! — Юра достал спрятанную бутылку. — Я сегодня один, после дежурства. Семья уехала на дачу. Выпьем по рюмке, не возражаете?

— С удовольствием, — майор вынул из портфеля коньяк. — И не по одной. За такого человека...

6

В субботнее утро к Юриной даче подкатили грузовая машина. Из кабины выпрыгнули солдат-переводок, подтянутый до последней дырки в ремне. С бритой головой цвета сыра.

— Рядовой Гречишкин! Прибыл по приказанию майора Грумина. Готов приступить к выполнению задания.

— Такой молодецкой? — удивился Юра.

— Так точно! — рубанул солдатик, будто перед ним был сам генерал. — Старый пенник ушел на дембель, я — его ученик. Не беспокойтесь, печка будет игрушкой.

Кирпич, глина, мастерок. — все было наготове. Стали выкладывать первый венец — трудоемкую часть работы. Солдатик ловко подхватывал кирпич, шлепал глиной с трех сторон, плотно прилаживая к другому кирпичику. Приступивал мастерком, батрас за новый. Юра был подосновком патронеа, как он сказал о себе.

Они приложились к бутылке, когда подвели венец к полу. По Юриной инициативе. Солдатик не отставал, хорошо приглубиливал. Закусывали картошкой с тушенкой. Печник рассказывал о себе. Сам он забойкалец, жил на Аргунь, в крестьянской семье. Рыбы в реке — руками черпал. Зимой караси бою

Николай Савостин

Георгий Федосеевича в числе встречавших меня, я первым делом поинтересовался: "Ну как тут насчет пасеки, мне бы мзду?"

Встречающие переглянулись в недоумении, а мы с Богачем рассмеялись, обнялись. В гостинице мы просидели в разговорах до утра, остальные моим иркутским друзьям наши воспоминания тоже были интересны. Он в 1971 году, как говорится, что-то не поделив с директором института Семеном Чиботару, обиделся на все руко-

дом, это были квадратки расквашенного теста, сваренные в чесночном соусе. Жаль, в Иркутске той поры нельзя было купить спиртного без особых талонов, лимит которых писатели, как всегда, исчерпали давным-давно, а то, что я привез с собой, оказалось пустячком, употребленном в первые же часы после моего прилета. Зато весь вечер доктор искусствоведения, престельная молчаливая женщина, играла нам на пианино Листа, Бетховена, Глинку... Мой Богач впервые

Максим Степанов

ЛЕСНОЕ ВАТЕРЛОО

В этом году грибной сезон начался несколько раньше обычного. Причиной тому были нескончаемые дожди, шедшие с ранней весны вплоть до второй половины лета.

Наверное, каждый знает, что такое рыбалка и охота. Так вот, собирание грибов, это нечто среднее между первым и вторым. В деталях эти занятия различны, но, в общем, очень напоминают друг друга — тот же азарт, та же приятная усталость в конце дня и уйма воспоминаний.

Сам я грибник. Поэтому, как только прошел слух, что кое-где стали появляться подосиновки и сыроежки, я принял решение пойти и вырезать все грибы до седьмого колена.

В субботу ехать в лес не было смысла, поскольку он представлял из себя поле брани после набега горожан.

С присущим грибникам терпением, я подождал до вторника, и, встав как можно раньше, отправился в лес.

В первый день я набрал ведро. Во второй — два, а в третий раз — три, причем, на остановке меня приняла за профессионального заготовителя.

Третьего августа я приехал в лес в четвертый и последний раз.

В начале все было, как обычно: час добирался до места, потом небольшая разведка, потом чуть-чуть заблудился и, наконец, вышел, куда надо.

К полудню оба ведра были практически доверху набиты волчушками и груздями, с которыми сыроежки не выдерживали никакой конкуренции.

Спина тихонько поскрипывала, пощипывали суставы и каждый шаг эхом отдавался в голове. Народная мудрость говорит, что гриб — барин. Вначале ему до земли поклониться надо, а потом он тебе руку пожет. Я клал поклоны до тех пор, пока перед глазами не появились серебристые мушки, верный признак перепада давления.

После небольшого отдыха я отправился к выходу из леса. Шел не спеша, изредка наклоняясь за очередным груздем. Вдруг, я услышал легко жужжание и через мгновение правую руку будто обдало хляпком. "Осы!" — пронеслось у меня в голове. Забыл про грибы, с низкого старта, я вылетел из кустов на тропинку и, пробежав метров двадцать, решил перевести дух. За этим занятием меня застала вторая оса и ужалила в ту же руку. Третья заплетала за стекла очков, но, увидев мои испуганные глаза, тут же вылетела обратно. И, в первый раз в жизни, я сдался, плюнул на грибы, на землю и на все, что их окружало. Мне вспомнился горячий чай и теплая постель. "Зачем, зачем я пошел за этими дурацкими грибами?!" — думал я, стремительно уносясь с поля брани...

Рисунок Юрия Круглова

СИБИРСКИЙ МОЛДАВАНИН

Почему "Сибирский молдаванин"? Да потому он сам так назвал себя: почти двадцать лет назад прислал мне свою книгу "Далече северной столицы" — о Пушкине в Молдавии, изданную в Иркутске с надписью на титульном листе: "Колле Савостину, молдавскому сибиряку, от Юрия Богача, сибирского молдаванина — Г. Богач, 20. 1. 1980".

Господи, тут в наше время у себя в республике да про молдавские дела книгу издать невозможно, а в те времена молдавский ученый выпускает любовно оформленную книгу... в Иркутске, почти за семь тысяч километров от родного дома!.. Да уж нечего вздыхать. Поспешу сказать, что эта книга, пожалуй, лучшая работа о великом поэте периода его пребывания в Кишиневе. Богач нашел столько тонкостей молдавского быта и фольклора, отразившихся и в произведениях молдавского периода, и если хотите, в формировании характера в личности кого-то в то время Пушкина, и рассказал об этом таким живым языком, что трудно переоценить этот труд, к сожалению не получивший должного внимания критики и общественности. У нас начальство и общественное мнение очень легко поддаются действию саморекламы бойких авторов и вообще рекламе хорошо сплоченной и агрессивной прессственности. В результате — на слуху серьезные книжки компилятивного свойства, а работы, подобные исследованиям Георгия Богача оказываются полубытыми. Очень рекомендую всем, кто всерьез интересуется творчеством Александра Сергеевича, книгу Богача "Далече северной столицы". Правда, она теперь сделалась библиографической редкостью...

Георгий Богач был один из самых обаятельных кишиневцев. В шестидесятые годы его, видного ученого, шефа секции фольклористики Института языка и литературы Молдавской Академии наук часто по вечерам можно было встретить среди побужденной братии, состоящей из киношников, писателей, художников, артистов, собиравшихся в какой-нибудь дощатой, митейной под лышным шатром зеленым парка, называвшемся тогда именем Пушкина.

Немного грузный, неподдельно приветливый, одетый в просторный серый свитер грубой вязки, напоминающий богатырскую кольчугу, с безопасной рубашкой под ним, — весь такой демократически-интеллигентный, он был открыт, охотно, порой горячо, вступал в разговор, ненавязчиво острил. Мы с ним любил потолковать о литературе, он говорил при углубленности и строгой научности так увлекательно, что многие говоруны-краснобай из тех сочинителей стихов, что больше любят спать поэтом, чем быть им, сразу блекли и конфузились... Мы с ним нередко уединялись, нас тянуло друг к другу. Из его многочисленных рассказов особенно запомнился один — о том, как он, будучи на фронте, точнее, в прифронтовой полосе, где в чине рядового красноармейца служил водовозом, однажды как бы ненароком по дороге с речки на кухню, ку-

да доставлял воду, завернул к стоящему неподалеку одинокому домику с пасекой: разжиться медку. С ним был напарник-украинец, — одному наполнить бочку было не просто.

Почему Богач, имея высшее образование (он закончил Ясский университет), оказался в армии рядовым, да еще в хозяйственном подразделении в качестве водовоза? Да потому что у него было "позорное" пятно в биографии — он сын попа! А добавок — происходил из недавно присоединенных к СССР мест, из Прикарпатья. Куда же его с таким происхождением? Ведь долгое время в стране к бесправным было особо подозрительное отношение. Андрей Лупан не раз мне рассказывал, как в первый год войны, он, мобилизованный в армию, будучи уже видным деятелем, имея за плечами и высшее образование, и стаж коммуниста-подпольщика, был зачислен в строительный батальон рядовым бойцом-землекопом и копал оборонительные сооружения под Сталинградом. Оружия таким не доверяли. Но это — к слову...

С пасечником, у которого водовозы для начала попросили налить (это — поддыхав с целой бочкой воды!), они потом завязали разговор о погоде, об урожае. Стараясь подойти как-нибудь к теме меда. Конечно, пасечник чуял их намерения и всячески уводил разговор в сторону. Наконец он решительно дал им понять, что никакого меда им не видать. Богач настоятельно: он услышал через дощатую переборку в соседней комнате писк морзянки, и, заподозрив непаздное, решил поскорее вернуться в свое подразделение. Ведь с ними не было оружия, а дело принимало нехороший оборот. Его напарник не поняв, почему Георгий, взглянув за перегородку, решительно вышел наружу, неохотно последовал за ним, повторяя вполголоса: "Мзду бы розжитыся!". Балда, гам за перегородкой вражеский шпion! Напарник всю дорогу до кухни сокрушался: "Мани бы мзду, а ты все испортил". Пока приехали, часть уже съелась с места — отступали, никому не было дела до какого-то подозрительного... Георгий уверял, что там был шпion.

Встречаясь, я долго еще приветствовал Георгия этой фразой: "Мне бы мзду, а ты все испортил". Вот и на этот раз, прилетев поздней ночью в Иркутск, — это было в конце марта 1989 года — и увидев

водство, внезапно оставил Кишинев, перебрался в Иркутск, где сделался доцентом пединститута имени Хо Ши Мина. Причем, стал заправским сибиряком, любимцем студентов, местных писателей, актеров, музыкантов. Когда мы встретились в Иркутске, он жил уже несколько лет один, жена уехала работать на Кубу. Поэтому в обличье его была заметна холостяцкая запущенность: рубашка не отличалась безызышью, на воротнике не хватало пуговицы, брюки давно не соприкасались с утюгом... Тем не менее, он был как всегда весел, острит. Иркутские восхищались его эрудицией, знанием языков. Один из наших с ним друзей с воодушевлением рассказывал, обращаясь ко мне: "Знаешь, прошел осенью к нам приезжал председатель Румынского Союза писателей, мы его возили на Байкал, в таежные места, ему так нравилось! Так Георгий Федосеевич свободно говорил с ним по-румынски! Оба понимали друг друга, переводчика не надо... Мне оставалось только улыбаться, не читать же ему лекцию о близости языков молдаван и румын. Хотя мне, сибиряку, было приятно, что крупному румынскому писателю очень понравилась Сибирь: мне показывали присланную из Бухареста румынскую литературную газету с его заметками об этой поездке и я, хоть и с трудом, прочитал статью, полную восторгов, вызванных Иркутском, Байкалом, жителями этих мест, с которыми он встретился, есть там упоминание и о Богаче.

На другой день местный Союз писателей в лице его председателя, моего старого друга Славы Филиппова, мобилизовав "Волгу" иркутского собственного корреспондента "Советской культуры", повез меня на Байкал, к Шаманскому камню, к той ламаистской святыне в виде скалы, украшенной цветными ленточками, с неизменным холмиком из пустых водочных бутылок у подножья, оставленных туристами, к тому берегу, у которого утонул Александр Вампилов, — словом показал все, заслуживающее внимания. С нами был и Георгий Федосеевич, он давал пояснения мне, знавшему эти места с ранней юности! И самое интересное, кое-что из замеченного им, было мне в новинку. Удивительно... Вечер мы провели в гостях у одного местного прозаика, жена которого осетинка, доктор искусствоведения, угостила нас вкуснейшим кавказским блю-

---

Это была демоверсия книги - Газета "Чита литературная" за 2001 год

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34